

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.5

Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений

¹ Ишеков К.А., ¹ Проничева Е.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме определения правового положения искусственного интеллекта (ИИ) в условиях стремительного развития технологий. Авторы рассматривают ИИ как сложный объект гражданско-правового регулирования, анализируют современные подходы к его квалификации в качестве субъекта или объекта частного права. В статье подчеркивается, что действующее законодательство не успевает за технологическими изменениями, что создает правовые пробелы и неопределенности.

Особое внимание уделено международному опыту регулирования ИИ, включая примеры предоставления правосубъектности роботам и чат-ботам в зарубежных странах. Авторы предлагают рассматривать ИИ как «цифровой актив», что позволит учесть его уникальные характеристики без радикальных изменений в законодательстве.

В заключение статьи формулируются рекомендации по совершенствованию гражданско-правового регулирования ИИ, включая необходимость разработки комплексных подходов к правовому положению ИИ, его классификации и внедрения механизмов контроля за его применением.

Ключевые слова: искусственный интеллект, объект гражданского права, электронное лицо, цифровой актив, правосубъектность, правовой статус, квазисубъект права

Для цитирования: Ишеков К.А., Проничева Е.А. Искусственный интеллект в структуре гражданско-правовых отношений // International Law Journal. 2025. Том 8. № 5. С. 86 – 93.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Artificial intelligence in the structure of civil law relations

¹ Ishekov K.A., ¹ Pronicheva E.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the urgent problem of determining the legal status of artificial intelligence (AI) in the context of the rapid development of technology. The authors consider AI as a complex object of civil law regulation, analyze modern approaches to its qualification as a subject or object of private law. The article emphasizes that the current legislation does not keep pace with technological changes, which creates legal gaps and uncertainties. Special attention is paid to the international experience of AI regulation, including examples of granting legal personality to robots and chatbots in foreign countries. The authors propose to consider AI as a "digital asset", which will allow taking into account its unique characteristics without radical changes in legislation. In conclusion, the article formulates recommendations for improving the civil law regulation of AI, including the need to develop integrated approaches to the legal status of AI, its classification and the introduction of control mechanisms for its use.

Keywords: artificial intelligence, object of civil law, electronic person, digital asset, legal personality, legal status, quasi-legal entity

For citation: Ishekov K.A., Pronicheva E.A. Artificial intelligence in the structure of civil law relations. International Law Journal. 2025. 8 (5). P. 86 – 93.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Бурное развитие информационных технологий, связанное в том числе с использованием искусственного интеллекта в различных сферах деятельности государства и общества, диктует необходимость переосмысления подходов к субъектно-объектному составу правоотношений, требует более четкого определения правового положения ИИ в сложных процессах взаимодействия элементов правовой системы.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу гражданско-правовых отношений актуализирует ряд важных вопросов: можно ли говорить о формировании системы цифровых субъектов гражданского права? Возможно ли рассматривать ИИ как один из них? Применимы ли традиционные нормы о правоспособности и деликтоспособности к цифровым субъектам и квазисубъектам?

Взаимодействие участников гражданских правоотношений в информационных системах ставит перед юридической наукой и законодателем задачу определения особенностей такого взаимодействия, поскольку цифровые права порождают специфическую связь между их участниками. Судебная практика исходит из того, что любые действия в цифровой среде совершаются идентифицируемым лицом. Все вышеизложенные аспекты стали предметом научного интереса авторов статьи.

Целью исследования является определение правовой природы ИИ, выявление особенностей его правового положения в системе гражданского права, разработка рекомендаций по совершенствованию гражданского законодательства в этой области.

Задачи исследования: рассмотреть текущие подходы к гражданско-правовому регулированию ИИ в России; определить место ИИ в структуре гражданско-правовых отношений, разработать предложения по совершенствованию Гражданского кодекса РФ и специальных законов в сфере ИИ.

Гипотезы исследования:

1. ИИ не может быть признан полноценным субъектом права в силу отсутствия у него сознания, воли и способности к самостоятельному участию в общественных отношениях.
2. Правовой статус ИИ должен быть определен как «цифровой актив», что позволит учесть его уникальные характеристики и минимизировать необходимость радикальных изменений в законодательстве.
3. Разработка комплексного правового регулирования ИИ требует учета международного опыта и адаптации существующих норм к новым технологическим реалиям.
4. Признание ИИ квазисубъектом права может стать компромиссным решением для урегулирования его деятельности и разграничения юридической ответственности в случае его неправомерного использования.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный) методы исследования.

В контексте эмпирических методов изучены кейсы использования ИИ и их правовых последствий, проведен анализ судебной практики и решений, связанных с ИИ, экспертные интервью с юристами, разработчиками ИИ и представителями государственных органов. Методы моделирования включают в себя разработку предложений по классификации ИИ и механизмам регулирования.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература в области права, технологий и этики ИИ, научные исследования: труды российских и зарубежных ученых по вопросам правового статуса ИИ, рекомендации международных организаций и форумов, судебная практика.

Результаты и обсуждения

В контексте российского законодательства актуальна проблема фрагментарного нормативного урегулирования сферы ИИ, которое преимущественно сосредоточено в стратегических доктринах как ключевом механизме поддержки цифровизации экономики посредством интеграции ИИ, таких как Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 [3].

Существующее гражданское законодательство не в полной мере адаптировано к современным технологическим реалиям. В связи с этим для преодоления разрыва между нормативной правовой базой и фактическими правоотношениями, а также в целях эффективного внедрения инновационных технологий, включая системы ИИ, в России был разработан специальный механизм экспериментальных правовых режимов (ЭПР), установленный Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ [2]. С одной стороны, Закон

позволяет временно смягчить условия для тестирования ИИ-решений. С другой стороны, ограничен кругом участников и не гарантирует дальнейшего внедрения успешных разработок в гражданско-правовую практику.

В международном масштабе наблюдается отсутствие четкой правовой квалификации ИИ и унифицированных нормативных требований к нему. В зарубежной практике применяются уникальные подходы к наделению субъективными правами ИИ: от частичного признания правосубъектности до выдачи гражданства (Саудовская Аравия), предоставления резидентских прав чат-ботам (Япония) и даже патентов для ИИ (Южная Африка) [10].

Представленные случаи показывают отсутствие общепринятой модели регулирования ИИ, что порождает правовую неясность. Государства, стремясь найти равновесие между развитием технологий и правовой защитой, действуют методом проб и ошибок. Разнообразие применяемых стратегий создает противоречия в зарубежном законодательстве, обуславливая необходимость разработки общих руководящих принципов для регламентации правового положения ИИ.

В последние годы наблюдается тенденция формального наделения ИИ-систем элементами правосубъектности, что ставит перед правовой наукой принципиально новые вопросы. Например, в 2017 г. в Саудовской Аравии робот Sophia (Hanson Robotics) стал первым ИИ, получившим гражданство; в 2018 г. в г. Токио (Япония) чат-бот Shibuya Mirai («будущее») получил статус «жителя» района Сибуя, будучи виртуальным агентом для взаимодействия с населением; в Эстонии разрабатывается концепция «Закона Кратта», в которой предлагается тест для определения уровня автономности ИИ и связанных с ним прав [4].

Действительно, на наш взгляд, современные представления об ИИ значительно изменились: от узконаправленных алгоритмов до сложных автономных систем, обладающих способностью к обучению, принятию решений и даже проявлению творческих качеств. Этот процесс требует пересмотра существующих правовых подходов, поскольку традиционные юридические нормы, разработанные для регулирования общественных отношений, где технологии остаются неизменными, зачастую не подходят для динамичных и самообучающихся ИИ-систем. Иначе говоря, возможны две крайности: гражданское законодательство может развиваться либо по пути чрезмерного регулирования, тормозящего инновации в области ИИ, либо столкнется с правовыми пробелами в отношении вопросов, возникающих при использовании автономных систем.

Следует отметить, что специфическая черта ИИ – невозможность заранее предсказать точные действия ИИ в новой ситуации, поскольку обрабатываемый им объем данных не может быть осознан человеческим мозгом, а внутреннее состояние системы не может быть редуцировано к понятным человеку причинно-следственным связям. Основной целью ИИ в настоящее время является моделирование аналитического механизма, осуществляемого человеком. Примером системы ИИ на основе нейронной сети является голосовой помощник, разработанный компанией «Яндекс» [11].

На сегодняшний день в гражданско-правовых отношениях системы с ИИ рассматриваются как объекты согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ (вещи, цифровые права, иное имущество), что означает отсутствие у них правосубъектности» [1]. Однако их правовой режим требует уточнения, поскольку они обладают свойствами, выходящими за рамки традиционных объектов гражданских прав. Государства-члены Европейского союза в рамках Европейского парламента рассматривают возможность наделения ИИ ограниченной правосубъектностью. Например, в 2017 году депутаты Европарламента выдвинули инициативу по введению для автономных роботов особого юридического статуса – «электронной личности» [7]. Следствием наделения ИИ правосубъектностью будет то, что такие устройства будут иметь не только права, но и обязанности.

Как представляется, сегодня способность ИИ к абсолютно самостоятельным действиям сильно преувеличена. Функционируя исключительно в рамках узкоспециализированных задач, определенных человеком-оператором, слабый ИИ не соответствует базовым критериям правосубъектности (способности осознавать последствия собственных действий, самосознания как признака личности, автономного целеполагания). Как видится, в текущей ситуации отсутствие осознанного волеизъявления в действиях ИИ пока не позволяет рассматривать его как субъекта гражданского права, хотя этот вопрос может быть пересмотрен в будущем.

Указанные выше примеры правового регулирования носят символический характер, но создают основания для развития правовой базы в будущем, в случае появления сильного ИИ. Если сильный ИИ действительно достигнет характеристик обладания самосознанием, проявления автономности, осознания последствий и наличия автономного целеполагания, возможно, тогда вопрос о его правосубъектности станет крайне актуальным и потребует фундаментального пересмотра существующих гражданско-правовых норм.

Однако, важно подчеркнуть, что создание сильного ИИ – это пока что задача будущего, и его появление не является неизбежным.

Сказанное актуализирует вопрос о возможности трансформации ИИ от роли объектов к субъектам правовых отношений. При первом приближении наделение ИИ полной правосубъектностью представляется маловероятным. Однако, как показывает зарубежный опыт, эта проблема привлекает внимание юридического сообщества.

Думается, что государство, обладая широкими возможностями правового воздействия, вправе самостоятельно определять правовой режим ИИ, устанавливая его правовое положение как субъекта или объекта права в зависимости от наличия тех или иных факторов (уровня развития технологий, сложившейся концепции правопонимания, правовых традиций, общественного мнения и т.п.).

Проблема определения правового положения ИИ является предметом острых дискуссий в юридическом сообществе. Как справедливо отмечено, современные технологии, включая ИИ, создают предпосылки для формирования «субъектно-объектных образований» в праве – гибридных конструкций, сочетающих элементы правосубъектности и функциональной подчинённости [6]. Таким образом, в науке обосновывается тезис о необходимости дифференцированного подхода к регулированию ИИ, исключающего его однозначную квалификацию исключительно как объекта права.

В целом в юридической науке сформировалось два основных подхода. Согласно первому – ИИ рассматривается как особый элемент правового пространства [13]; второй подход предполагает возможность признания его уникальным субъектом права, опираясь на тенденцию делегирования человеческих функций автоматизированным системам – идею Ю.А. Тихомирова [12]. Последняя тенденция находит свое выражения в практической плоскости. В частности, в ноябре 2022 г. корпорация OpenAI представила чат-бота ChatGPT, способного к самостоятельной генерации текстов, решению задач и программированию, что вновь подняло вопрос о перспективах замещения ИИ человеческой рабочей силы [15].

В отличие от признания ИИ субъектом права, требующего определения специального правового статуса по аналогии с юридическими лицами, подход признания ИИ объектом права, на наш взгляд, более приемлем, поскольку обеспечивает правовую определенность при минимальной модификации нормативно-правовой базы. Данный подход не требует кардинальной переработки действующего законодательства, исключает необходимость формирования принципиально новых гражданско-правовых институтов и позволяет использовать уже существующие механизмы гражданско-правового регулирования. Достаточно внести корректировки и детализировать существующие нормы для обеспечения эффективного гражданско-правового регулирования основных вопросов взаимодействия ИИ.

В случае признания ИИ субъектом права, положительным моментом будет наличие у него деликтоспособности, при которой система сможет нести юридическую ответственность за свои действия (или бездействие), включая причинение ущерба. Как видится, в решении данного вопроса заинтересованы в первую очередь разработчики и производители систем на основе ИИ, поскольку действующее законодательство позволяет привлекать их к ответственности из-за дефектов продукции, оснащенной ИИ. Присвоение роботам статуса «электронной личности» создает условия для минимизации неблагоприятных последствий создателям продукции с использованием ИИ.

Как представляется, возможное наделение ИИ элементами правосубъектности не должно создавать основания для полного исключения из правоотношений разработчиков и пользователей ИИ. Последние в процессе создания и использования технологий ИИ должны руководствоваться нормами этики, а также иметь законодательно установленные субъективные права и исполнять юридические обязанности.

Альтернативой признания ИИ субъектом гражданских правоотношений является суждение о наделении системы ИИ статусом квазисубъекта права, обладающего «отдельными элементами правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права» [5]. Это означает, что ИИ может обладать ограниченным набором прав и обязанностей, достаточным для выполнения определенных функций и несения ответственности за свои действия, но не в полном объеме, как у физического или юридического лица. В частности, он может заключать договоры в рамках четко определенных алгоритмов (например, автоматизированных торговых систем) или управлять умными контрактами в блокчейне.

Важно отметить, что концепция квазисубъектности не является новой. В правовых системах зарубежных стран уже существуют примеры квазисубъектов – например, трасты или фонды, которые обладают определенными правами и обязанностями, но не являются полноценными субъектами права.

В отличие от квазисубъекта, концепция электронного лица, например, предложенная в резолюции Европарламента 2017 г., предполагает полное признание ИИ самостоятельным субъектом права [9]. Подразуме-

вается, что электронное лицо может заключать договоры, владеть имуществом, подавать иски в суд и нести ответственность за свои действия самостоятельно, без прямого участия человека.

Сравнивая эти концепции, отметим, что ключевым аспектом теории квазисубъектности является ограниченность и зависимость от человека, тогда как концепция электронного лица стремится к провозглашению автономности и самостоятельности ИИ в гражданско-правовом контексте.

Если выбирать между этими двумя концепциями, то концепция квазисубъекта на текущем этапе развития ИИ представляется более прагматичной, поскольку позволяет сохранить контроль над ИИ как продуктом человеческой деятельности и избежать радикального пересмотра существующей системы гражданско-правового законодательства. Признание ИИ полноценным субъектом права, то есть наделение его статусом электронного лица, на наш взгляд, сопряжено с серьезными рисками, связанными с непредсказуемостью его действий и сложностью контроля за ним.

Вместе с тем признание за ИИ статуса субъекта или квазисубъекта права в настоящее время представляется преждевременным. ИИ объективно не обладает ключевыми свойствами, которые характеризуют субъекта права. Его деятельность, по сути, является производной от человеческой воли и интересов. Без участия человека ИИ не способен функционировать и принимать решения. Наделение ИИ статусом субъекта права на сегодняшний день не имеет практической ценности и не решает реальных правовых задач.

Полагаем, что сосредоточение усилий на разработке правовых механизмов, регулирующих ответственность и действия человека, использующего ИИ, представляется более эффективным и обоснованным подходом к разрешению ключевых проблем гражданско-правового регулирования ИИ.

Наряду с этим развитие указанных выше концепций не должно быть полностью отвергнуто. По мере совершенствования технологий ИИ и разработки механизмов обеспечения его безопасности и прозрачности, возможность наделения ИИ статусом квазисубъекта либо электронного лица может стать вполне оправданной.

В то же время большинство исследователей сходятся во мнении о том, что на текущем этапе ИИ не является субъектом права, его следует рассматривать как объект правового регулирования [11,14]. Соглашаясь в целом с данным подходом, отметим, что ИИ не подпадает под все признаки традиционного объекта права, а обладает рядом особенностей, которые усложняют его однозначное отнесение к данной категории. Объекты гражданского права пассивны и управляются человеком, тогда как ИИ может принимать решения без прямого вмешательства человека (например, системы управления беспилотниками), что сближает его с субъектами права. Традиционные объекты гражданского права, как правило, обладают стабильностью, а ИИ постоянно обучается и развивается, его функциональность и поведение могут меняться со временем, что делает его определение и классификацию сложной задачей. ИИ не имеет физического воплощения, что затрудняет применение норм, регулирующих материальные объекты. Функциональность ИИ зависит от качества и объема данных, на которых он обучается, что создает риски, связанные с защитой данных и обеспечением их достоверности.

В таком случае, думается, что классический подход к структурированию правоотношений на объект и субъект права не в полной мере подходит к характеристике ИИ и может оказаться неэффективным. Для решения данной концептуальной проблемы ИИ предлагается рассматривать в промежуточном положении между субъектом и объектом права в качестве цифрового актива. ИИ существует в цифровой форме, как алгоритм и набор данных и на практике ассоциируется с доменными именами, токенами, виртуальными аккаунтами и другими нематериальными ресурсами. В данном значении ИИ обладает уникальными гражданско-правовыми характеристиками:

- цифровой формой существования без необходимости физического воплощения;
- наличием потребительской ценности в виртуальной среде;
- возможностью полноценного участия в гражданском обороте.

Подход к квалификации ИИ как «цифрового актива» представляется наиболее приемлемым, поскольку он учитывает комплексный характер его особенностей. Традиционная же классификация в рамках существующих правовых категорий приводит лишь к упрощенному восприятию и не отражает всего спектра его свойств.

Некоторые ученые считают целесообразным приравнять правовое положение ИИ к положению юридического лица [8]. Это подразумевает наделение ИИ в гражданском праве искусственным субъектом права, созданным законом для целей правового регулирования, подобно юридическим лицам, которые гражданское законодательством признает условными носителями прав и обязанностей, несмотря на их нематериальную природу. Основным аргументом этой идеи выступает социальная необходимость, позволяющая гарантировано регулировать действия ИИ и привлекать его к ответственности.

При теоретическом осмыслении указанного довода, можно предположить, что, как и юридическое лицо, ИИ может действовать автономно, иметь обособленные функции и формально участвовать в правоотношениях. Однако, по нашему мнению, несмотря на определенные сходства в формальном аспекте, между характеристиками ИИ и юридических лиц существуют принципиальные различия. Так, юридическое лицо формируется посредством первоначального объединения людей, тогда как у ИИ нет изначальной связи с человеческим объединением. Он создаётся технологически, а не через договор учредителей. В отличие от юридических лиц, чья деятельность опосредована действиями конкретных физических лиц, поведенческая и волевая способность ИИ формируется и реализуется автономно. Более того, в текущих правовых условиях, даже при наличии законодательных положений, разрешающих ИИ приобретать собственность, фактическое распоряжение имуществом будет зависеть от физических лиц.

Указанные тезисы подтверждают ключевые отличия рассматриваемых категорий и, на наш взгляд, если признание юридического лица исторически обосновано экономической целесообразностью и потребностью в правовом оформлении коллективной деятельности человека, то признание подлинной субъектности ИИ может нести потенциальные риски нарушения принципа правовой определённости. Эта проблема возникает из-за технологической природы ИИ, которая в отличие от социально-экономической сущности юридических лиц, не обеспечивает необходимой предсказуемости и стабильности в правоотношениях.

Признавая актуальность вопросов о правовом статусе ИИ, на наш взгляд, необходимо разработать специальные правовые нормы, регулирующие деятельность систем ИИ, а также урегулировать статус ИИ как цифрового актива в рамках проекта закона «О цифровых правах».

С нашей точки зрения, закон «О цифровых правах» должен охватывать определение правового положения ИИ как особого объекта правоотношений – цифрового актива. Важно разработать классификацию различных видов ИИ (например, генеративные модели, автономные системы, узкоспециализированный ИИ), критерии отнесения системы к ИИ и к каждому виду, установить их правовые характеристики.

Проектируемый закон «О цифровых правах» будет регулировать не только ключевые аспекты цифровых прав, включая регулирование цифровых активов, смарт-контрактов и блокчейн-технологий, но и несомненно, должен стать основой для регулирования ИИ. Необходимо также провести адаптацию договорных конструкций с участием ИИ (например, урегулировать заключение смарт-контрактов с участием ИИ, правила купли-продажи, лицензирования, аренды ИИ).

Наряду с этим для полноценного регулирования ИИ в гражданском праве предлагаем внести поправку в Гражданский кодекс РФ, включив ИИ в перечень объектов гражданских прав. Дополнить ст. 128 ГК РФ, закрепив ИИ как особый объект гражданских прав наряду с вещами, цифровыми правами и иным имуществом. Следует указать, что ИИ – это алгоритмическая система, способная к автономному принятию решений на основе данных, но не являющаяся субъектом права. Это создаст гражданско-правовую определённость, позволит применять к ИИ общие нормы об объектах гражданского оборота, но исключит его признание субъектом гражданского права.

Таким образом, законодательное закрепление положения ИИ в качестве цифрового актива позволит сформировать правовую определённость в отношениях, связанных с ИИ.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что на текущий момент независимо от достигнутого уровня технологического прогресса и его дальнейшего развития, ИИ остается упрощенной имитацией сложнейших процессов человеческого мозга, эволюционировавшего на протяжении миллионов лет.

Анализ гражданско-правовой практики подтверждает, что ИИ остается инструментом (объектом), а не субъектом права, но его усложняющаяся функциональность требует адаптации законодательства. Суды отказывают в признании самостоятельной правосубъектности ИИ. На наш взгляд, на сегодняшний день признание ИИ самостоятельным субъектом гражданского права представляется преждевременным и потенциально опасным. Данный подход не решит, а усугубит проблемы гражданско-правового регулирования.

Также сохраняет свою актуальность проблема гражданско-правового вакуума в сфере регулирования ИИ, что обуславливает острую потребность разработки принципиально новой модели комплексного гражданско-правового регулирования отношений в данной сфере. Станет ли ИИ благом или проблемой — во многом зависит от людей. Этические перспективы будущего, связанные с ИИ, требуют от нас не только технологических решений, но и глубокого осмысления нашего отношения к этим технологиям и их влияния на общество.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
4. Искусственный интеллект официально получил вид на жительство в Токио. [Электронный ресурс] URL: <https://tproger.ru/news/ai-shibuya-mirai> (дата обращения: 30.01.2025)
5. Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Искусственный интеллект как квазисубъект права: теоретико-правовые основания // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 117 – 130.
6. Малько А.В., Ишеков К.А., Черкасов К.В. Предвидение в науке административного права (По трудам юбиляра – учёного-административиста П.П. Сергуна) // Государство и право. 2023. № 10. С. 119 – 124.
7. Медведев Ю. Роботов предложили наделить статусом «электронной личности» [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2017/01/24/robotov-predlozhili-nadelit-statusom-elektronnoj-lichnosti.html> (дата обращения: 10.02.2025)
8. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 018. № 4. С. 1 – 8.
9. Нормы гражданского права о робототехнике: Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года, Кодекс этики для разработчиков робототехники [Электронный ресурс] URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (дата обращения: 23.01.2025)
10. Правосубъектность искусственного интеллекта: возможно ли? Правовой и морально-этический аспект. [Электронный ресурс] URL: <https://zuykov.com/about/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-vozmozno-li-pravovoi-i-moralno-eticheskii-aspekt/> (дата обращения: 15.0.2025)
11. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2. С. 75 – 85.
12. Тихомиров Ю.А. Искусственный интеллект и право: новые грани взаимодействия // Государство и право. 020. № 5. С. 6 – 15.
13. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. 90 с.
14. Чеховская С.А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: «Инфотропик Медиа», 2021. С. 122 – 135.
15. Шатов Е. Дивный новый чат: кто составит конкуренцию ChatGPT/ [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/501403-divnyj-novyj-cat-kto-sostavit-konkurenciu-chatgpt?ysclid=mas7phklt9848698428> (дата обращения: 17.02.2025)

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024). Coll. Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ "On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation" (as amended on August 8, 2024). Coll. Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended on 15.02.2024). Coll. legislation of the Russian Federation. 2019. No. 41. Art. 5700.
4. Artificial intelligence officially received a residence permit in Tokyo. [Electronic resource] URL: <https://tproger.ru/news/ai-shibuya-mirai> (date accessed: 30.01.2025)
5. Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O. Artificial intelligence as a quasi-subject of law: theoretical and legal grounds. Journal of Russian Law. 2021. No. 12. P. 117 – 130.
6. Malko A.V., Ishekov K.A., Cherkasov K.V. Foresight in the Science of Administrative Law (Based on the works of the jubilee – the scholar-administrative lawyer P.P. Sergun). State and Law. 2023. No. 10. P. 119 – 124.

7. Medvedev Yu. Robots were proposed to be granted the status of "electronic personality" [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2017/01/24/robotov-predlozhili-nadelit-statusom-elektronnoj-lichnosti.html> (date of access: 10.02.2025)
8. Morkhat P.M. On the issue of legal capacity of the "electronic person". Legal studies. 018. No. 4. P. 1 – 8.
9. Civil law norms on robotics: Resolution of the European Parliament of 16 February 2017, Code of Ethics for Robotics Developers [Electronic resource] URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototekhnike-i-hartiya-robototekhniki> (date of access: 23.01.2025)
10. Legal capacity of artificial intelligence: is it possible? Legal and moral-ethical aspect. [Electronic resource] URL: <https://zuykov.com/about/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-vozmozhno-li-pravovoi-i-moralno-eticheskii-aspekt/> (date accessed: 15.0.2025)
11. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: From Object to Subject. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2019. No. 2. P. 75 – 85.
12. Tikhomirov Yu.A. Artificial Intelligence and Law: New Facets of Interaction. State and Law. 020. No. 5. Pp. 6–15.
13. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: A Tutorial. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2020. 90 p.
14. Chekhovskaya S.A. On the Legal Status of Artificial Intelligence Systems. Subject of Law: Stability and Dynamics of Legal Status in the Context of Digitalization: Collection of Scientific Papers. edited by D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. Moscow: Infotropic Media, 2021. P. 122 – 135.
15. Shatov E. Brave New Chat: Who Will Compete with ChatGPT/ [Electronic Resource] URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/501403-divnyj-novyj-cat-kto-sostavit-konkurenciu-chatgpt?ysclid=mas7phklt9848698428> (date of access: 02.17.2025)

Информация об авторах

Ишеков К.А., доктор юридических наук, профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; профессор, Московский финансово-промышленный университет Синергия; 125190, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 80, корпус Г, ishekov77@mail.ru

Проничева Е.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, 125190, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 80, корпус Г, i@urstcont.ru

© Ишеков К.А., Проничева Е.А., 2025